

Китайский путь.

Истоки и современное состояние

МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЯ И ЕЕ УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

В.Г. ФЕДОТОВА

Модернизация Запада в Новое время явилась спонтанным органическим процессом, возникшим в результате трех Революций – Ренессанса, Реформации и Просвещения. Развитие Запада трудно было повторить, и это удалось после Второй мировой войны немногим странам – Германии, Испании, Португалии, Греции. Три последних до сих пор сохраняют свои незападные черты, делающие их слабым звеном Европейского сообщества из-за особой остроты сегодняшнего экономического кризиса. Греция балансирует на грани выхода из ЕС.

Модель догоняющего Запад развития просуществовала почти до конца XX в. как основная для незападных стран, породив немало успехов, но также иллюзий и разочарований. Китай имел специфику в осуществлении процессов развития, находясь между прочными идеями традиции, культуры, ценностей, с одной стороны, а с другой стороны, с начала первой трети XX в. также модернизации, которая затрагивала, изменяла в том числе и традиционные культурные основания начавших индустриализацию регионов. Стремление к балансу старого и нового составляло специфику китайской модернизации. Сегодняшние представления о модернизации не отрицают необходимости заимствования передового опыта Запада и Востока, но в целом ориентируют на такие способы модернизации, которые имеют в виду национальные цели и многообразие путей их достижения, включая и поиски собственных методов.

В 1776 г. Адам Смит написал в своем знаменитом труде о богатстве народов: «Владелец Земли по необходимости является гражданином страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран»¹. Новый способ хозяйствования уже тогда и на базе только лишь английского опыта был понят как мировая система хозяйства. В подобной системе хозяйства Китай оказался с началом глобализации конца 1990-х. Он устремился в будущее и в размышление о своей роли в нем. В данной статье будут рассмотрены некоторые особенности модернизации Китая и ее уроки для России, высказаны некоторые соображения относительно неудач современного российского опыта.

Начальный этап модернизации Китая и его специфика

Период перехода Китая к современности, к его интенсивной модернизации в научной литературе относят к первой половине XX в. –

к 1900 – 1950 гг. Это время становления китайской современности. Китайское государство этого периода рассматривается как субъект линейного развития страны, многотысячелетней истории Китая, в ходе которой формировалась специфическая «китайскость», или китайская идентичность.

В 1928 – 1937 гг. Китай повернул к индустриализации, которая сегодня ускоренно возобновлена как мегаиндустриализация, охватывающая небольшие города и сельскую местность вдоль береговой линии. Эта политика создает внутренние миграционные потоки из крупных городов, где высока безработица, в индустриальные районы, где мигранты испытывают немалые трудности². Однако несмотря на эти трудности, Китай достиг невиданных успехов и занял ведущее место среди экономических гигантов современности.

Вопреки принятому рассмотрению модернизации незападных стран как осуществляемой посредством мобилизации масс элитами или вследствие революции, 20 – 30-е гг. XX в. в Китае убедительно демонстрируют неполитический характер китайской модернизации этого периода³. Не политический призыв, не мобилизация населения для индустриализации, не присущая развитию капитализма индивидуализация, а рост хозяйственной активности Шанхая, появление людей, заинтересованных в индустриализации, производстве, торговле вызвали бурную модернизацию и индустриализацию в этом городе. Модернизация началась, по мнению известного американского исследователя Л. Ли, изложившего свои идеи в статье «Культурная конструкция модерна в урбанистическом Шанхае. Некоторые предварительные замечания», не в Пекине – городе старинных нравов и чиновников, а в Шанхае, бурлящем хозяйственной инициативой. Ответственный редактор книги «Становясь Китаем. Пути к современности и далее за ее пределы», в которой опубликована статья Ли, суммируя его идеи, отмечает следующие специфические черты шанхайской модернизации: наличие городской культуры, способной соответствовать рынку; продолжение китайского прошлого; новые формы материальной культуры – утилитаризм вместо принятой на Западе рациональности науки и технологии; новые формы демаркации пространства, времени, частного и публичного, вызванные коммерциализацией культуры потребления. По мнению автора введения к книге «Становясь Китаем...», имплицитным в концепции Ли «является аргумент, что современность (первой половины прошлого века. – В. Ф.) осуществляется, скорее, через бизнес, а не посредством политики, через достижение лучшей жизни... через трансформирующую силу частного предпринимательства, чем через коллективные акции. Современность возникла, не порывая с прошлым, без мобилизации масс в политические движения (как это было в незападных странах при догоняющих Западом модернизациях. – В. Ф.), а как

сумма повседневных практик обычных людей, занятых бизнесом, изданиями, чтением, рекламой, потреблением и т.д. Современность была материальной трансформацией повседневной жизни для сотен и тысяч людей»⁴. Очень важным обстоятельством здесь является наличие региона, готового к развитию индустриальной модернизации — Шанхая и отсутствие поспешного стремления приписать это всей тенденции китайского развития или сформулировать обязательства, которые в связи с этим возникают для других районов Китая. С самого начала было принято во внимание естественно-исторически сложившееся различие регионов.

Последующее развитие китайской модернизации подтверждает верность этой традиции — не порывая с прошлым, как это происходит постоянно в России, и руководствуясь китайской идентичностью, процессуально связывающей старое и новое, осуществить новый виток модернизации не на преобладающей основе политических реформ, а путем изменений в хозяйственной жизни наиболее готовых к этому провинций. Эта комбинация старого и нового в культуре сегодня теоретически обозначается как континуум идентичностей, в рамках которого осуществляется ее становление в качестве процесса, ограниченного крайними точками ее неизменности на одном конце континуума и ее полного изменения на другом⁵.

Профессор Йельского университета И. Селеньи говорит о «капитализме снизу» в Восточной Азии. Действительно, хозяйственные навыки в Китае делают население активными предпринимателями. «Государство играет очень важную роль в создании и в регулировании, и в дирижировании капиталистической экономики»⁶, но мотор модернизации — самое население. «Капитализм сверху», по его мнению, — это посткоммунистические страны Восточной Европы и Россия. Здесь произошел ускоренный переход к капитализму. Время мобилизаций, тем не менее, сегодня закончилось, и цель государства видится ему в создании образа будущего. Заметим, что в 1990-е гг. в России была предпринята попытка модернизации без предпосылок хозяйственной активности масс (которые в течение 70 лет воспитывались в идеологии осуждения частной хозяйственной инициативы как буржуазного пережитка) и без образа будущего сделать то, что китайцы сделали за 25 лет. «Капитализм извне» строится иностранным капиталом, транснациональными корпорациями. К странам, в которых это произошло, Селеньи относил страны Балтии, Венгрию, Чешскую республику. Здесь мечтали о либеральном капитализме, выросшем из политических перемен и оставшихся хозяйственных навыков, но была велика зависимость от Запада. Сегодня многие страны испытали зависимость от ЕС, препятствующую осуществлению их национальных интересов и подрывающую мощь европейской интеграции.

На вопрос о том, что же получится в результате китайской модернизации — социализм или капитализм, наилучший ответ дал несколько лет назад недавно умерший финансист и теоретик капитализма Дж. Арриги в своей книге «Адам Смит в Пекине». Он выделил капиталистический путь развития, который характерен для Запада и некапиталистический рыночный путь развития в Китае. Этот путь существовал в Китае уже в XVII в., и он же реализуется здесь сегодня, — утверждал Арриги. Он писал, что если Китай не построит капитализм, это не будет означать, что он построил социализм. Если же он не построит социализм, это не будет означать, что он построил капитализм⁷. С моей точки зрения, не исключено, что термин «капитализм» исчезнет, как и гораздо ранее возникший термин «социализм», ибо новые формы хозяйства вполне могут получать другие названия, типа «хозяйственный тип демократии», «смешанная экономика», «многоукладная экономика» и пр.

Китай проходил этап левого коммунистического строительства с эксцессами «Большого скачка» и «Культурной революции», проведенными Мао Цзедунем с целью продвижения коммунистических идей, выраженных в формах китайских метафор, жестко противостоявших либерализации режима и подчеркивавших коллективизм коммун. На этом пути тоже стремились к модернизации Китая. В Китае я видела резные древние ворота из ныне не существующего дерева, за которые шел бой между историками и хунвейбинами. Первые хотели сохранить историческую древность, вторые — снести ее ради торжества нового — заводов, железных дорог и пр. Таким образом, Мао Цзедун стремился к коммунистическому способу модернизации, основанному на мобилизации масс и политическом руководстве. В этом конфликте ломалась китайская мудрость, предполагающая сочетание старого и нового, древнего и современного, старинного и модернизированного.

Ошибки Мао Цзедуна были осуждены без отрицания его заслуг, чтобы снова не раздуть пожар борьбы между новым и старым. На вопрос, как относиться к распаду СССР, китайцы ответили: «Как к внутреннему делу СССР». Как относиться к Мао Цзэдуну? «Мао Цзедун — тоже человек». К его идеям: «Все идеи развиваются и изменяются. То же происходит и с идеями Мао».

Изменения в маоизм, значительно противостоящие ему, внес Дэн Сяопин, длительная и бурная политическая карьера которого знала победы и поражения. Он разошелся с Мао Цзэдунем в 1950-е гг. из-за противопоставления своей прагматической, практической линии с идеологической линией Мао, был выслан в провинцию и работал на тракторном заводе. В 1976 г. после смерти Мао он вернулся в правительство премьер-министром и сосредоточился на экономике Китая и ее реформах. В 1980-е гг. он ликвидировал маоистские «народные

коммуны», создал специальные экономические зоны, начал рыночные реформы и тем самым воссоздал ту исторически преемственную традициям Китая политику, которая отвечала менталитету и прежним повседневным практикам населения. Однако политические реформы в сторону либерализации он отвергал и жестоко репрессировал, расстрелял 800 демонстрантов и арестовал десятки тысяч людей на площади Тяньаньмэнь. Обличение этого Западом было остановлено из-за выгод, которые несло экономическое взаимодействие с Китаем.

Китай бурно развивался. В 1990-е начался процесс глобализации экономики, ибо крушение коммунизма и распад СССР открыл новые, прежде закрытые территории для распространения капитала и экономических связей. Тогда казалось, что глобализация – это победа капитала над национальными интересами вступивших в нее незападных стран. Но именно Китай, благодаря отвергнутой Дэн Сяопином идеологии Мао Цзэдуна и его рыночным реформам, наилучшим образом использовал глобализацию в своих интересах, завалив мир качественным бельем, обувью, одеждой, мебелью, а сегодня и высокотехнологическими товарами – компьютерами и другими техническими средствами.

Модернизация Китая сегодня

Итак, несмотря на традиционный источник модернизации Китая в повседневной практике населения, в его хозяйственной активности как отличной от западной форме рациональности, основанной не на науке и технике, а на утилитаризме, социализм в Китае внес политический параметр в модернизацию, связанный с ее стимулированием или приостановкой. Бурное развитие Китая после смерти Дэн Сяопина связано с развитием современных теорий модернизации, осуществляемой китайскими учеными⁸.

Основание российско-китайским дискуссиям положила книга «Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001 – 2010)», вышедшая под редакцией китайского профессора Хэ Чуаньци, переведенная с английского Н.С. Петровым и изданная издательством «Весь мир» в 2011 г. Ответственный редактор русского издания член-корреспондент РАН Н.И. Лапин придал этой книге статус события и применил методы измерения уровня модернизации, введенные профессором Хэ, к российским регионам. Огромную роль во всех наших китаяйских контактах играет профессор В.Г. Буров – блестящий китаист, знаток китайского языка и мастер человеческого общения, а также д.ф.н. А. Рубцов. Мы трое – В.Г. Буров, А. Рубцов и я участвовали в дискуссиях в Шанхае в Институте предпринимательства и в Пекине с Группой исследования модернизации Китая, Китайского центра исследования модернизации Китайской Академии наук, а

затем в Москве в Институте философии РАН в 2013 г. В данной дискуссии мы приняли участие вместе с группой изучения модернизации Китая во главе с проф. Хэ, Центром изучения социокультурных изменений, сектором социальной философии ИФ РАН и другими учеными. Профессор Хэ – весьма молодой ученый, необыкновенный энтузиаст, по профессии биолог, работал в китайском посольстве в США в отделе закупок передовой техники и решал эти задачи, разрабатывая концепцию модернизации Китая не на уровне глобальной теории или пафосных провозглашений, а создавая концепцию среднего уровня. Он изучил общие теории и истории модернизации, их основные признаки и связал их с задачами национального продвижения Китая в среднесрочной и дальней перспективе, задачами весьма амбициозными и поднимающими Китай к середине XXI в. сначала на уровень развития среднеразвитых стран, а затем – к концу века – на уровень самых развитых стран. Он ввел критерии измерения результативности модернизации и шкалу сравнительного анализа различий в модернизации как регионов Китая, так и разных стран. Надо заметить, что по покупкам американских технических средств и технологий Китай уже три года назад обнаруживает 500-кратный рост, о чем сообщила телевизионная программа ССТV.

В шутку мы звали профессора Хэ Жаком Паганелем (герой произведения Жюль Верна), настолько увлеченным и страстным является этот человек, пылкий и искренний. Его модернизационный проект, который он называет модернизационной наукой – своего рода задание и план действий для китайской модернизации, не официальный, но вполне отвечающий духу и букве китайского развития и влияющий на принятие решений китайским руководством. Представленной в десяти докладах концепции китайской модернизации Хэ и его коллег предшествует обсуждение модернизационных теорий и историй протекания модернизации в 131 стране мира. Хэ Чуаньци выделяет первичную и вторичную модернизацию. Первичная модернизация характеризуется индустриализацией, вторичная – переходом к информационному, постиндустриальному обществу. И, наконец, есть стадия интегральной модернизации, которая координирует задачи первичной и вторичной модернизации. Признавая последовательность во времени первичной и вторичной модернизации, Хэ Чуаньци считает важной для Китая интегральную модернизацию, совмещающую обе задачи. Подобно броделевскому «Средиземноморью», «река Янцзы» в рассматриваемых докладах выступает символом китайской идентичности и китайской цивилизации, ее главной артерией, а успехи модернизации ориентированы на ее символический образ. В ежегодных докладах исследовательской группы профессора Хэ экономическая модернизация не занимает первого места, несмотря на свои лидирующие позиции в экономике. Исключительное внима-

ние, особенно в докладе 2011 г., уделяется социальному, культурному, человеческому, символическому потенциалу. Уже в модернизации первой половины XX в. культура Китая, в том числе и ее способность открыться другим культурам, рассматривалась как важнейший фактор модернизации, что признается и сегодня.

В то время, когда глобализация представлялась многим победой капитала над национальными интересами незападных стран, Китай стал чемпионом глобальной экономики. Доклад 2010 г. посвящен контурам всемирной модернизации в 1700 – 2100 гг. Далекое прошлое вместе с далеким будущим составляют основу нового понимания времени в Китае, обусловленного спецификой модернизации Китая и факторами, создающими эту специфику. В Китае, как и во всем мире, много противоречий, и не все может получиться, но можно верить, что у страны, мыслящей в таких масштабах времени, многое будет осуществлено.

Наши ученые застали Хэ в радостный для него момент выхода в свет его книги на Западе⁹. Мы испытали белую зависть. В Китае выделяется много денег для перевода книг и продвижения китайской научной мысли в мире. Мы лишены такой возможности. Как приглашенный профессор Колумбийского университета в 2011 и 2012 гг., могу сообщить, что в библиотеках этого университета есть книги многих сотрудников ИФ РАН. В частности, здесь я с радостью нашла все книги сектора социальной философии и его сотрудников. Но они — на русском языке. Университеты не платят гонорары за издания, которые можно было бы потратить на перевод. Но мне известны люди в Колумбийском университете, которые знают наши работы и ценят их. Поэтому при всем восхищении профессором Хэ и его концепцией, нам не стоит становиться в ученическую позу. Мы знаем работы многих западных ученых китайского происхождения и многих других исследователей, которые были неизвестны Хэ и о которых мы сообщили ему. Его работу отличает, повторю, практическая направленность предлагаемой им модели китайской модернизации, а также таких ее универсальных параметров, как обозначение специфики уровня модернизации, сфер ее осуществления, модернизационной политики, модернизационной стратегии и модернизационных измерений. Это отсутствует в России. Статьи, заметим, что пути модернизации — разные. Запад модернизировался естественно-исторически под влиянием Ренессанса, Реформации и Просвещения, сформировавших, в конечном итоге, проект модерна. Китай — в XX в., постепенно формируя в ходе этой эволюции китаизированный «проект модерна»¹⁰. В 1920 — 1930-е гг. он модернизировался и индустриализировался, как уже было отмечено, в основном в Шанхае, более зрелом в плане городской культуры и наличия хозяйствующего субъекта, в значительной мере спонтанно. Россия следовала догоняющей модернизации. Эта

модель ныне не является перспективной, хотя заимствования — не только в форме вестернизации, но и истернизации — неизбежны. Модернизация в условиях глобализации приобрела национальный характер, решая задачи вступивших в нее стран с учетом их культурного и цивилизационного своеобразия, нередко находя собственные методы. Именно это и побудило Хэ к анализу модернизации в своей практической деятельности. Модернизация может получить практические толчки. Но для модернизации целых стран концепция Хэ чрезвычайно полезна неизбежностью видения будущего, наличием целей, обязательных элементов и структуре действий. У китайцев мы не заметили пафосной трескотни и самовосхваления, они открыто признают недостатки и неудачи, не верят в панацею от всех бед.

В Институте предпринимательства Шанхая нас встретили ученые гуманитарии — историки, философы, а также экономисты. Среди высказанных здесь точек зрения были: взгляд на модернизацию как на усовершенствование, полезное для людей. Отмечалась совершенная неизбежность этого уровня, связь модернизации с повседневным сознанием и ее зависимость от повседневного сознания людей. На наш взгляд, это — альтернатива модернизационной мобилизации масс, присущей прежним индустриализациям. Но большинство китайских специалистов этого центра придерживались идей китаизированного марксизма, и видели в модернизации изменения, направленные на всестороннее развитие человека. Помимо пяти осуществленных и шестого известного технологического уклада, профессор Хэ описал седьмой уклад постчеловеческого будущего, где теперешних людей мало, а преобладают люди — придатки компьютеров, smart bionic bodied (созданные биотехнологией прекрасные тела) и прочие чудеса постчеловеческой трансформации. И тут задумаешься, а не надо ли осуществлять поддержку человека, чтобы новые этапы развития не привели к утрате человеческой сущности. Это ставит перед исследователями проблему изучения человеческого и других форм внеэкономического капитала — социального, культурного, символического¹¹.

Наши дискуссии были взаимно интересны. Параллельно в Дели шел саммит БРИКС. Это было символично. Кроме сходства типа развития с Китаем и остальными странами БРИКС нас ничто не объединяло.

Является ли китайский опыт модернизации уроком для России

Заметим, что Россия находится в процессе модернизации со времен Петра Первого, а Китай — с начала XX в. Россия прошла большой путь военной, политической, технической модернизации, в том числе и в СССР. Однако обеспечившие успех развития Китая культура повседневности и прежде всего повседневного хозяйствования и утилитаризм в СССР и посткоммунистической России отсутствовали.

Колоссальные успехи модернизации СССР были достигнуты политическим путем, с помощью развития индустрии и мобилизации масс. Это различие не может стать китайским уроком для России потому, что оно историческое. В своем отношении к прошлому и будущему мы более категорично отрицаем прошлое и либо видим будущее светлым, либо совсем не верим в него.

Большое значение в модернизационном проекте имеет вопрос о культуре Китая. Взгляд на различие культур сквозь перспективу развития и модернизации раскрывает разную культурную продуктивность и конкурентоспособность. Разные нации и страны обнаруживают различный уровень развития и качества культурной жизни, их неэквивалентность. Обращение к антропологии в теориях модернизации приведет, по мнению многих исследователей, к конфликту между рациональной поддержкой национальной культуры и культурной модернизацией. Китай в большей мере сельскохозяйственная страна с многомиллионным крестьянским населением, сохраняющим свои традиции и при переезде в города. Баланс отмеченных составляющих — традиционного и современного — основное стремление китайской модернизационной политики, но и она не позволяет избежать срывов и перекосов. Их пытаются исправить посредством поддержания той или другой «пострадавшей стороны» — традиционности или осовременивания. Это — полезный опыт, но мы слабо владем искусством его применения.

За время правления Дэн Сяопина и в последующий период Китай существенно изменился, изменились его нравы в сторону коммерциализации отношений между людьми, выросла коррупция. Поэтому в настоящее время новый лидер Китая, Председатель КНР Си Цзиньпин, подобно Дэн Сяопину, ревизовавшему основы маоизма, предпринимает некоторую ревизию марксизма, призывает к усилению конфуцианства, следованию в ходе развития специфическим китайским путем. Как сообщило агентство Синьхуа, 21 августа 2014 г. на собрании, посвященном дню рождения Дэн Сяопина, Си Цзиньпин очертил новый курс Китая как построение социализма с китайской спецификой, как следование независимости в выборе «пути, теории и строя». Он подчеркнул невозможность копирования чужого опыта, ненужность принижения себя и своей истории. Нетрудно заметить, что Россия тоже попыталась обратиться к традиционным ценностям из-за разногласий с Западом по поводу украинских событий, но поскольку она имеет тысячелетнюю историю, в ходе которой эти ценности менялись, этот призыв сохраняет возможность остановиться на разных традиционных ценностях.

Важное место в исследованиях Китая занимает вопрос о будущем. Иногда он рассматривается как вопрос о будущем Китая, иногда как вопрос о будущем всего мира в связи с новым опытом

Китая, начинающим действовать с максимальным учетом опыта и реалий своей страны. В предшествующие годы проект развития Китая в большей мере включал элементы открытости, которые Запад поддержал в отношении как Китая, так и России. Но Россию вопрос о будущем волнует аспектно, а не концептуально, он не поставлен как вопрос о выборе «пути, теории и строя», стоящий сегодня в Китае. Нет его социально-философской проработки. И модернизация, и будущее, к сожалению, у нас скатываются в риторические или идеологические конструкты. В этом отношении Китай пока не дает нам ответа, но преподносит урок размышления в огромных промежутках времени о тех изменениях, которые нужны и должны произойти.

Основной вопрос касается горбачевской реформы. Именно она ставит проблему — а могли бы мы пойти путем не политическим, а экономическим, как Дэн Сяопин, исправляя издержки так, как наметил это сделать Си Цзиньпин? Выше я уже отметила отсутствие предпосылок, заключающихся в повседневности людей, адекватной предпринимательской активности. О Горбачеве говорят преимущественно одно: «Он дал нам свободу». Безусловно, можно причислить гласность, свободу слова и печати к числу его выдающихся достижений, которые и принято называть свободой после долгих лет «демократии разговоров на кухне», политических анекдотов и других нелегитимных проявлений витальной потребности в свободе. Перестройка, прорвавшая плотину запретов на собственное мнение и позволившая открыто обсуждать настоящее и будущее, вызвавшая надежды на лучшее, была прорывом к свободе. Однако остановиться на этом — значит быть близким неолиберальной трактовке свободы, подчас понимая ее как свободу от всего. И. Берлин ввел понятия «свобода от» — освобождение, уход от зависимости и «свобода для» — для осуществления замыслов, планов. Режим Ельцина часто критикуется как обрыв перестройки, при этом как бы не замечают, что «свободы от» в нем было гораздо больше и даже больше «свободы для» слома социализма, перехода к капитализму. Анархический порядок повторялся, самовоспроизводился. Преобладание либертариистских и только либертариистских оценок значимости перестройки в условиях провала как правых, так и левых сил на российской политической арене кажется мне невыученным уроком посткоммунистических реформ, упрощением возможностей, первоначально вдохновлявших Горбачева. Значимость перестройки будет возрастать в связи с тем, что, по замыслу, свобода в ней должна была сочетаться со справедливостью, о чем сегодня сказать некому в связи с вакуумом левых сил и тем, что правые начинают говорить о справедливости, хотя это — дело, к которому они не склонны. Сказал же либерал И.М. Клямкин, что мы получили либерализм без справедливости.

Горбачев был у власти, когда нефть стоила 8 – 10 долл. за баррель, когда случились Чернобыль и Спитак, когда был дефицит, была монополия КПСС и не было социал-демократической партии, и не получилось создать ее из-за радикализации масс, и когда при попытке ввести хозрасчет не были учтены особенности психологий людей, не привыкших к самостоятельному хозяйствованию. Невиданный рост цен, устанавливаемый каждым предприятием ради повышения зарплат, а не ради развития производства, был массовым и стал предпосылкой идеи о неререформируемом социализме и необходимости его незамедлительного слома.

В этом плане представляется, что два автора – С. Коэн и (неожиданно) В.Б. Кувалдин на многие поставленные выше вопросы ответили по-новому и с позиций сегодняшнего опыта России и других стран. Коэн не обнаруживает никаких эмпирических и теоретических оснований для утверждения, что советская система была неререформируемой. Он вскрывает всю риторичность этой популярной фразы и показывает, что система в значительной мере реформировалась после Сталина, не перестав быть советской. В 80-е гг. в стране был рынок, но система была советской. Она имела сколько угодно возможностей продолжить дальнейшую либерализацию коммунистической идеологии, заметим, уже не игравшей прежней роли. Это хорошо показано Д. Фурманом, который указывает на запоздалость М.С. Горбачева, пришедшего тогда, когда социальная база – люди, стремящиеся к аутентичному прочтению Маркса и Ленина, уже не существовала. На мой взгляд, коммунизм умер при Л.И. Брежнев, сохранив ни для кого не обязательную идеологическую ширму, ни от кого не скрывавшую приход новых людей, которых называли тогда «коммунисты в дубленках». Но слова еще держали старый порядок, союз народов, и холодная война обязывала к конфронтации.

Сотрудничавший с М.С. Горбачевым В. Медведев задавался вопросом, почему перестройка, заметим, вызванная в основном экономическими проблемами и лишь отчасти желанием гласности, свободы слова и печати у интеллигенции и стремлением к «правде» у народа, не могла развернуться по китайской модели. Его ответ: экономический подъем требовал слома советской системы. Ответ нелепый. Почему же тогда он не потребовал слома «китайской системы»? Почему на вопрос, как относиться к слову коммунизма в России, китайская элита отвечала: «Это внутреннее дело России» и не сходила с позиций своей новой доктрины «социализма с китайской спецификой»? Американский исследователь С. Коэн пишет, что внедрить элементы капитализма в советскую систему было труднее, чем элементы социализма в Америку 1930-х гг., но это было возможно, что показал опыт Китая и Восточной Европы, имеющих более серьезные политические ограничения¹². Удивительно, что американскому гражданину Коэну

видно то, о чем мы забываем сами, изображая 70 лет коммунизма провалом российской истории, т.е. провалом той жизни, которой жили мы все, несмотря на все последующие политические размежевания: «Западные обозреватели могут не понимать разницы между абстрактным “коммунизмом” и полнотой жизни реальной советской системы, или “советизма”, но советским (а впоследствии российским) гражданам было ясно, и в этом они были солидарны, с Горбачевым, что “коммунизм — это не Советский Союз”»¹³.

Я согласна с Коэном также в том, что не только рядовые коммунисты, но и оппозиционно настроенные по отношению к Горбачеву коммунисты-консерваторы были способны адаптироваться к его демократической политике. Более того, я думаю, что если бы на XIX Партийной Конференции Горбачев призвал коммунистов реформировать социализм или даже строить капитализм, они бы приняли это приглашение: так велика была лояльность коммунистов власти, партии, что «китайский вариант» был бы возможен. Возможно, партия бы раскололась, но без сомнения из нее бы выделился большой отряд сторонников Горбачева. Считать письмо Нины Андреевой оппозицией и даже сопротивлением сегодня кажется смешным. Предложенная Горбачевым смешанная экономика на тот период оказалась бы компромиссным решением, способным реформировать советскую систему.

Даже В.Б. Кувалдин, в наибольшей мере разделявший идеи М.С. Горбачева, пишет, что перестройка разворачивалась по схеме «революция сознания — политическая реформа — экономические преобразования» и делает следующие выводы из неуспешности перестройки (и, добавим, первоначально объявленного и сегодня забытого «ускорения»): «...в начале “горбачевского этапа” перестройки объективное соотношение сил в обществе позволяло приступить к глубоким экономическим преобразованиям, не затрагивая политическую сферу... концентрация сил на хозяйственном фронте была не только возможна, но и необходима... на оселке экономических преобразований можно было проверить на дееспособность в новых условиях политическую систему советского общества, наметить перспективные пути ее трансформации... по возможности их (экономические реформы. — В. Ф.) надо было осуществлять до политической реформы, чтобы не создавать гремучую смесь массового недовольства и организованного протеста... порожденные реформой новые хозяйственные объекты раньше ли позже потребуют политического представительства своих интересов; отныне они — факторы не только экономического, но и политического процесса. И это будут не адепты “социалистического выбора”»¹⁴. Однако слабость повседневной экономической практики оказывалась препятствием на этом пути.

Сказанное позволяет ответить на часто задававшийся тогда В.М. Межуевым вопрос, «может ли демократ в России быть противником

перестройки?», на который он убежденно отвечал: «нет». Такой ответ похож на «иного не дано» – предельно революционную формулу перемен. Признавая значимость перестройки в прошлом, в настоящем и еще большую при возвращении к ее исходным формулам в будущем, я считаю, что может. Либеральный демократ может быть демократом и противником перестройки. Западный социал-демократ и Горбачев как социал-демократ, которым он еще не был в ходе перестройки, так как ограничивался социалистическим выбором, являются демократами. Сторонник китайского пути, по существу представленный в цитируемом отрывке Кувалдина, считает, что демократия обеспечивается только экономическими предпосылками, наличием среднего класса и вырастет из объективной потребности общества в ней. О последнем китайцы сами не говорят, демонстрируя лояльность к коммунистической власти, но понимают это. Такой взгляд может стать демократическим и отрицающим перестройку как хорошую по мотивам, идеям, но практически несостоятельную попытку.

Наша догоняющая модель была, скорее, словесным утверждением превосходства Запада, ориентацией населения, негативной мобилизацией масс на отрицание социализма, поскольку, как предполагалось, мы скоро будем жить, как на Западе. Но она не несла за собой как раз того интереса к технологиям, к развитию передовых отраслей, конкурентоспособности, индивидуализации, которую должна была нести, как это было в предшествующие модернизационные эпохи. И если мы возьмем горбачевскую политику, она состояла в том, чтобы преобразовать ситуацию ненасильственно, по всем азимутам, установить связи с миром и прекратить военную гонку, ибо в ее прекращении виделся источник ресурсов для нормального обустройства жизни.

Мне кажется, что неверно также говорить о каких-то постиндустриальных устремлениях Горбачева. Ведь постиндустриальные идеи возникают тогда, когда распад коммунизма способствует глобализации, и капитал проникает всюду, и глобальные технологии становятся информационно необходимыми для успешной конкуренции.

Мне кажется, что тут как бы перепутана хронология. Вначале мы открылись, развалились, а потом поняли, что мы на этом рынке конкуренции совершенно бессильны, потому что мы ликвидировали основы своей конкурентоспособности. Нам надо было развивать малый и средний бизнес как самодеятельность масс (но мы – не Китай с подобной повседневной привычкой). У нас не доставало предпосылок, ибо судьба России оказалась более связанной с высокими технологиями. Переход к малому и среднему бизнесу состоялся в противоречивой форме, нередко криминальной. А технические достижения во многом ушли в прошлое из-за деиндустриализации. И

глобальная экономика стала выбрасывать технологически отстающую Россию на обочину.

Горбачев поддался догоняющей модели модернизации, представляя ее в очень простом виде — дать людям жить, как на Западе: иметь такие же кафе, компьютеры, телефоны. И люди этого хотели. Они не мыслили в терминах тоталитаризма, демократии или постиндустриального развития. Люди хотели жить лучше. И заметьте, что говорил Горбачев, хотя было много разговоров о правовом обществе, о гражданском обществе, о правовом государстве: «Нам нужна свобода, чтобы перейти к рынку». Какая странная формулировка! Позже неолибералы убежденно заменили свободу рынком. Но Горбачев-то почему об этом говорит? Потому что он ставит простую задачу — улучшить жизнь людей. Потому что полки пусты, потому что неизвестно, долго ли может продолжаться такая ситуация. Я думаю, что волей обстоятельств, во-первых, растущим радикализмом самого народа, во-вторых, амбивалентностью горбачевских тезисов перестройка оказалась во многом проиграна. С одной стороны, он провозгласил ненасилие, которое мы приветствовали и до сих пор признаем его (ненасилия) моральность, а с другой стороны, защита реформы требовала насилия. С одной стороны, он хотел изменить немного, сохранив основное, но, с другой стороны, масса уже требовала более быстрых и ощутимых изменений. Реформа по всем азимутам. Кто же это проводит реформу по всем азимутам? Возьмите китайцев — они собрались решить одну проблему: как преодолеть голод в Китае? И решили. Затем другую — реформу в сельском хозяйстве (крестьяне, деревня, инфраструктура). И следом решают еще не слишком много других проблем.

Особо важным пунктом в перестройке была идея нового «мышления для нас и всего мира». Благодество этой идеи совпадает с российским ощущением миссии. Горбачев был не первым, кто предположил, что человечество исчерпало потенциал войн и конфронтаций и нуждается в общих ценностях.

В России попытка М.С. Горбачева творить политику от имени «всего мира» оказалась, по крайней мере, преждевременной, так как это не помешало появиться возрастающему количеству «врагов», войн и конфликтов на территории бывшего СССР и не ослабило следования национальным политическим интересам в мире. Благодное стремление к моральной легитимизации международной политики оказалось практически беспомощным, и в период Ельцина сменилось полным цинизмом внутри страны и полным соглашательством с требованиями извне, непониманием внешнеполитических интересов России.

Распад коммунистической системы был воспринят и в России, и на Западе как уменьшение конфронтационной напряженности

и предпосылка мира. Распространение демократии по всему миру, ставшее лавинообразным, также формировало надежду на мир. До 11 сентября 2001 г. Запад не представлял, с какими внешними вызовами он столкнется.

Опыт превращения «окончательной победы» в поражение хорошо известен. Это — опыт СССР, где отсутствие политической оппозиции привело общество на определенном этапе к тотальному отрицанию прошлого, к политизации снизу, к последующему распаду страны.

В сравнении китайских и российских реформ я поддалась ошибочной попытке найти сослагательное наклонение для прошлого. Но есть несомненные уроки китайской модернизации. Некоторые я уже называла — постепенность, поэтапность, региональные проекты в рамках общенациональных задач, соединение индустриальных и постиндустриальных задач, эффективное использование глобализации. Мы убедились, не проведя реиндустриализации, что нефть — не глобальный продукт, и ее может продавать и кто-то другой, не только Россия.

Остановлюсь на самом болезненном пункте нашей модернизации. Ошибками являются взгляды на нее как на просто улучшение, как на панацею от всех бед, как на идеологему, обещающую улучшение, а иногда и просто как на вранье, болтовню, возможные при игнорировании теоретического видения, отсутствии интереса к концепциям модернизации, выработанным учеными. В Китае это не так. Помимо ежегодных докладов-проектов модернизации, там есть территориальная модернизационная политика. Имеется крупное разделение на проекты по регионам, выделены регионы-флагманы модернизации.

Готовясь к докладу в Республике Дагестан, я просмотрела планы российских регионов. Большинство из них официально заявляли, что в ближайшей перспективе они станут постиндустриальными обществами, и все они считали для себя главными и обязательными общенациональные задачи модернизации. Во-первых, концепт Д. Белла 50-летней давности «постиндустриальное общество» своей приставкой «пост» сообщал только то, что это общество, которое будет строиться по завершении индустриализации как одной из общенациональных идей. Были некоторые наметки такого общества — основанного на науке, на знании, выявлены проблемы подобных обществ на Западе. В бюрократических «пассажах» это выглядит как насмешка над здравым смыслом, полное незнание региональных проблем, идеологизация модернизации, за которую мы платим ее неэффективностью. Китай дает урок детальных проектов региональной модернизации для наиболее подходящих регионов и выполняет эти проекты, как я пыталась показать, на научной основе, несмотря на естественный для себя утилитаризм, обращаясь к утилитаризму, к специфике региона, избегая болтовни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Smith A. An Inquiry of the Nature and Cause of the Wealth of Nation.* – Chicago: Chicago University Press. 1976. Vol. 2. P. 375 – 376.

² *Resurgent China. Issues for the Future* / ed. by N. Islam. – L.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 7.

³ *Lee Leo On-fan. The Cultural Construction of Modernity in Urban Songhai. Some Preliminary Exploration // Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond* / ed. by Wen-Hsin Yeh. – Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2000.

⁴ *Ibid.* P. 7.

⁵ Федотова Н.Н. Проективные функции идентичности в китайской модернизации сегодня // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 23 – 27; Федотова Н.Н. Идентичность и социальный капитал: процессуальные теории // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. 2013. № 2. С. 29 – 38.

⁶ Селеньи И. Строительство капитализма без капиталистов – три пути перехода от социализма к капитализму // Русские чтения. Вып. 3. Январь – июнь 2006. С. 98.

⁷ См.: *Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век.* – М.: Институт общественного проектирования. 2009.

⁸ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; отв. ред. русск. изд. Н.И. Лапин. – М.: Весь мир, 2011.

⁹ См.: *He Chuanqi. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement.* – Heidelberg; Dordrecht; L.; N. Y.: Springer, 2012.

¹⁰ Колтаков В.А. Философия и наука в пространстве рождающейся современности // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 54 – 64.

¹¹ Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал в социокультурной динамике сложного социума // Вестник МГИМО-университета. 2013. № 1. С. 195 – 199.

¹² О перестройке XX лет спустя: Критический анализ / сост. В.Б. Кувалдин, А.Б. Вебер. – М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. С. 38.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 97.

REFERENCES

Arrighi G. *Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijing]. Moscow, Institut obshhestvennogo proektirovaniya, 2009. 456 p. (in Russ.).

Fedotov L.N. Vneekonomicheskiy kapital v sociokul'turnoi dinamike slozhnogo sociuma [Non-economic capital in the socio-cultural dynamics of a complex society]. *Vestnik MGIMO-universiteta*. 2013. No 1, pp. 195 – 199 (in Russ.).

Fedotova N.N. Identichnost' i social'nii kapital: processual'nye teorii [Identity and social capital: the procedural theory]. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi Akademii delovogo administrirovaniya* [Bulletin of the Moscow State Academy of Business Administration]. 2013. No 2, pp. 29 – 38 (in Russ.).

Fedotova N.N. Proektivnye funkcii identichnosti v kitajskoj modernizatsii segodnia [Projective functions of identity in China's modernization today]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2013. No 6, pp. 23 – 27 (in Russ.).

He Chuanqi. *Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement*. Heidelberg; Dordrecht; London; New York, Springer, 2012. 648 p.

Kolpakov V.A. Filosofija i nauka v prostranstve rozhdaiushcheysya sovremennosti [Philosophy and science in the space of nascent modernity]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2014. No 8, pp. 54 – 64 (in Russ.).

Lee Leo On-fan. The Cultural Construction of Modernity in Urban Songhai. Some Preliminary Exploration. *Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond*. Ed. by Wen-Hsin Yeh. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 2000.

O perestrojke XX let spustja: Kriticheskij analiz [On the Restructuring of XX years later: A Critical Analysis]. V.B. Kuvaldin, A.B. Veber (Eds.). Moscow, Al'pina Biznes Buks [Alpina Business Books]. 2005 (in Russ.).

Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001 – 2010) [A survey report on the modernization of the world and China (2001 – 2010)]. He Chuanqi (Ed.). N.I. Lapin (Ed. of Russian Vertion). Moscow, Ves' mir, 2011. 256 p.

Resurgent China. Issues for the Future. Ed. by N. Islam. London, Palgrave Macmillan, 2009.

Selen'i I. Stroitel'stvo kapitalizma bez kapitalistov – tri puti perehoda on socializma k kapitalizmu [Construction of capitalism without capitalists: three ways of transition from socialism to capitalism]. 14.03. 2006. *Russkie chtenija*. Issue 3. January – June 2006 (in Russ.).

Smith A. *An Inquiry of the Nature and Cause of the Wealth of Nation*. Chicago, Chicago University Press, 1976. Vol. 2.

Аннотация

В статье дается краткая история модернизации Китая в XX и начале XXI вв. Выявляется специфика этого процесса, связанная с соотношением старого и нового, использованием опыта повседневной жизни народа, наличием региональных проектов. Показано меньшее значение по сравнению с Россией политической модернизации и мобилизации масс в Китае. Недостаток российской модернизации сегодня в сравнении с опытом Китая характеризуется слабостью предпосылок модернизации в повседневной жизни, нехваткой учета специфики региона и преобладанием политической модернизации над экономической и научно-технической.

Ключевые слова: модернизация, традиция, культура, ценности, повседневность, регионы, политика, экономика, история модернизаций, теории модернизаций, Китай, Россия.

Summary

The article suggests a brief history of China's modernisation in the 20th and beginning of 21st century. The author reveals the specificity of the modernisation associated with the ratio of old and new, experience of everyday life of people, and regional projects. The author holds that political modernisation and mobilisation of masses are less important in the modernisation of China. Flaws of Russian modernisation today in comparison with the Chinese experience are characterized by weakness of modernisation prerequisites in everyday life, lack of region-specific projects of modernisation, and prevalence of political modernisation over economic and scientific-technical modernisation.

Keywords: modernisation, tradition, culture, values, everyday life, regions, politics, economics, history of modernization, modernisation theory, China, Russia.